

Озеро Вечности (лат. Lacus Temporis) – лунное море, расположенное в северо-восточном квадранте видимой стороны Луны, состоит из двух округлых участков, приблизительно равных по размеру, и включает в себя два небольших кратера, находящихся на пересечении этих двух участков.

Проект Иджма' = Согласие

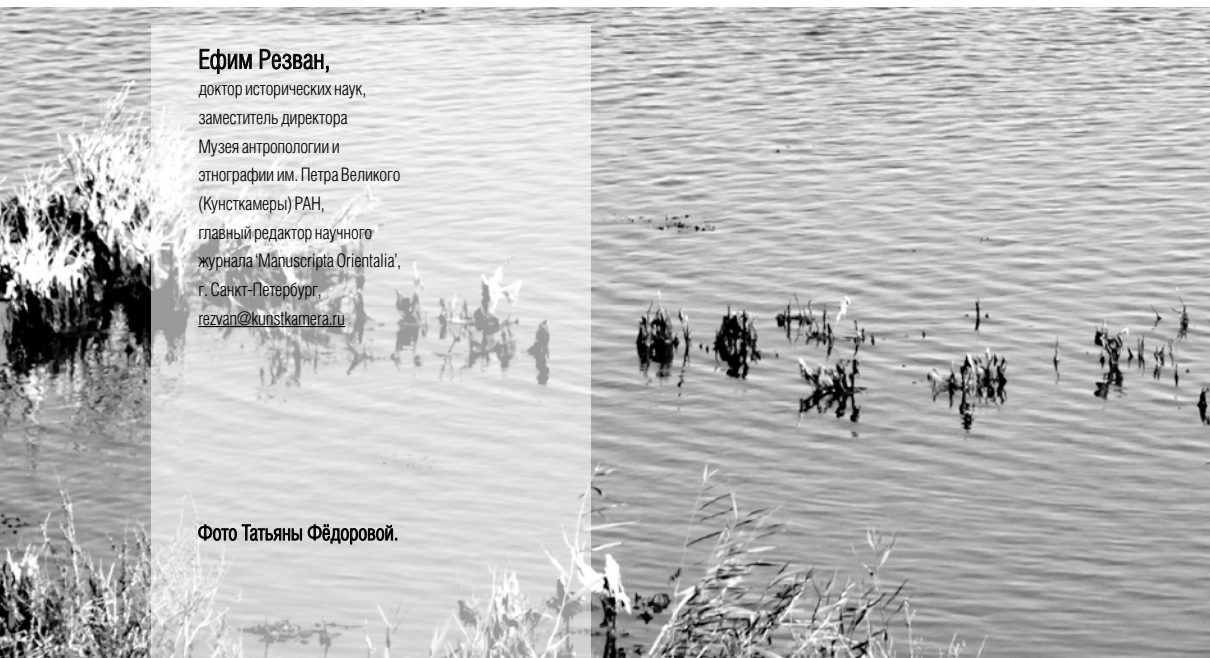

Два озера

Ефим Резван,

доктор исторических наук,
заместитель директора
Музея антропологии и
этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамеры) РАН,
главный редактор научного
журнала 'Manuscripta Orientalia',
г. Санкт-Петербург,
rezvan@kunstkamera.ru

Фото Татьяны Фёдоровой.

Где становье? Увы! Ни следа не осталось в Мина,
Склоны гор обезлюдели, стала пустынна страна,
А в долине глухой Ар-Райян стёрлись русла потоков,
Словно буквы на плитах, в которых жила старина.
Над покинутым стойбищем в будни и в праздник священный
Только ветры кружились, безмолвные шли времена.
Антилопы глазастые бродят беспечно по травам,
Их детёнышам резвым дарована воля сполна.

<...>

Но, омытые водами, чётче следы человека,
Время стёрло строку, но прочерчены вновь письмена, —
Так незримый рисунок, иглой нанесённый на кожу,
Натирают сурьюмою — и татуировка видна.

Лабид б. Раби'а (пер. А. Ревича)

Тема номера

Дорога к пещере «Коныраулис».

Разбитое шоссе бежало от Семипалатинска на юго-запад, практически вдоль кромки бывшего советского ядерного полигона. Дорога предстояла долгая, мы выехали затемно, в пять утра. То просыпаясь, то вновь впадая в дрему, я следил за солнцем, медленно всплывающим над степью.

Я арабист, много путешествовал по Аравии, всю жизнь занимаюсь историей раннего ислама, поэтому каждый раз, оказавшись в казахской степи, ловлю себя на мысли о сходстве того, что вижу, с аравийскими просторами времён Мухаммада. Пески тогда ещё не успели пожрать степные пространства. Протирая запотевшие окна машины, я думал о лежащем в двух шагах полигоне, где было взорвано более 600 ядерных зарядов, а последнее такое устройство было уничтожено совсем недавно — в 1995 году, и вспоминал вынесенные в эпитафию строки Лабиды, современника Пророка, признанного арабами одним из величайших своих поэтов. Как раз накануне отъезда в Казахстан я рассказывал своей аспирантке о том, каким замечательным историческим источником может служить доисламская поэзия. Например, о том, какие книги

видели жители Аравии тех лет, можно судить сегодня лишь по традиционному зачину арабской *касыды*: проезжая по степи поэт видит следы покинутой бедуинами стоянки, где в одной из палаток жила любимая. Далее часто следует традиционное сравнение следов, сохранившихся на земле, с исписанными листами: это и «письмо в йеменской книге из пальмовых листьев», и «книги, чьи страницы заново исписаны тростниковыми палочками», и «буквы на пергаменте», «буквы, будто написанные йеменским рабом», и «строки, спешно наносимые нудеем из Таймы», который пишет по-еврейски правой рукой»...¹.

*Поплачем над прежней любовью,
над старым жилищем,
Хотя и обломков его мы уже не отыщем.
Далёкие дни, погребённые в этих руинах, —
Как стёртые буквы молитвы
на свитках старинных.
Мне вспомнилось племя,
и в сердце опять зазвучали
Тяжёлые стоны моей бесконечной печали².*

В сентябре 2011 г.³ я выехал в Семипалатинск, чтобы добраться до древней святой пещеры «Коныр аулие», куда нам не удалось попасть годом ранее⁴. Она расположена на склоне горы Актас⁵, омываемой рекой Чаган, которая высыхает летом под жарким степным солнцем, приблизительно в 200 км от города. Эта громадная пещера с глубоким озером и то ли с изваянием, покрытым известковой коркой, то ли «окаменелым трупом, подвергавшемся много лет действию известковой воды»⁶, издревле пользовалась доброй славой среди женщин, мечтавших о материнстве, но лишенных такой возможности. Среди связанных с ней легенд — потайная дверь на дне озера, ведущая в некую

гробницу, и проток, будто бы связанный подземными путями с самой Меккой.

Пещера эта — одно из наиболее почитаемых святых мест Казахстана. Сегодня туда приезжают тысячи паломников не только из Казахстана, но и из других государств Центральной Азии и России. К их услугам дом, где можно заночевать, очаг, столбы для туши жертвенного барана, помост и кувшины для ритуального омовения, которое надо совершать в полной тишине. Благодарные паломники установили несколько плит с текстами на казахском языке. Говорят о десятках излечившихся тяжёлобольных, о наркоманах, порвавших с зависимостью, о 19 женщинах, испытывавших радость материнства... Тут же гадают на бараньих лопатках. На плитах и камнях — ленты белой ткани. Это традиционный символ надежды.

Входом в пещеру служит узкая высокая расщелина. Хранитель пещеры (*шырақши*) любезно подключил для нас небольшой дизель-генератор, внизу загорелось несколько тусклых лампочек, обозначавших спуск к озеру. Дно пещеры покрыто чёрными острыми и скользкими камнями, по которым надо пройти-проползти до воды чуть больше ста метров. Каменная стынь, темнота. Вот и озеро. Прозрачная и очень холодная вода. Паломник должен окунуться в озеро нечётное число раз. Женщины входят в воду в платье и с покрытой головой.

Пещера «живёт», то и дело меняя свою конфигурацию. К моему большому разочарованию мне не удалось увидеть каменную скульптуру, которую местные жители называли «Калмак»: стена слева от входа, под которой она лежала, обвалилась. Тем самым открыв новый выход к воде. В середине прошлого века, на пике деятельности семипалатинского полигона, в пещеру Каныр аулие отправилась группа студентов медуниверситета, членов историко-патриотического клуба «Поиск». Местный старожил по имени Данияр «радушно встретив путешественников, предупредил: «Вы должны войти в пещеру с чистым сердцем и добрыми намерениями. Она — наша святыня. К ней и сегодня идут те, кто нуждаются в помощи. Мой дед рассказывал, что на дне озера есть вход в следующую пещеру. Она огромных размеров и удивительной красоты. Попасть в эту пещеру трудно, нужно преодолеть двадцатиметровую толщу ледяной воды, а это не удаётся даже самому сильному батыру.

¹ Большой список подобных примеров см.: J. Pedersen, *The Arabic Book* (Princeton, 1984), с. 7-9.

² Имру' ал-Кайс (пер. А. Стефановича).

³ Я искренне признателен заместителю директора Центрального Государственного музея Республики Казахстан Б.С. Какабаеву, директору Историко-краеведческого музея, г. Семей Б.Н. Темирову, специалисту высшего уровня этого музея Х.-М. Илнуфу, руководителю Научного общества краеведов-школьников им. братьев Белослюдовых детского центра «Жас Жұлдыз» В.В. Колбину, а также Б.Х. Карибаеву, Н.Б. Карибаеву и Адильхану Аубакирову за содействие в организации экспедиционного выезда в Казахстан в сентябре 2011 г.

⁴ См.: Резван Е. Таксис — относительное время // 60 параллель. — 2010. — № 3 (38).

⁵ N 49 06 E 78 32

⁶ В.А. Брюханов, «Конур-Аулие», Записки Семипалатинского подотдела императорского Русского географического общества VI (1912), с. 2-3.

И будьте внимательны при входе в пещеру, её охраняет Страж».

Как только краеведы вошли в пещеру, первые восторги сменились паникой — земля вдруг в прямом смысле этого слова ушла из-под ног, раздался треск, посыпались камни. Но и их удары показались пустяками, когда выяснилось, что огромная скала закрыла выход. Спасение пришло откуда не ждали: «Неожиданно из тёмных глубин пещеры вылетел филин. Он медленно и плавно летел вдоль стен пещеры, как будто приглашая нас. Мы бросились за ним по узкому коридору, который постепенно расширялся. И вдруг увидели свет». Свет проникал через небольшое круглое отверстие искусственного происхождения. Слаженными действиями поисковики расширили лаз и вышли на свет, а их, заново родившихся, природа

символично встретила раскатами грома и всполохами молнии. Спасшиеся плакали и смеялись под тёплым дождём. Но когда из пещеры вылез замыкавший цепочку В. Гущин, смех смолк. «Виктор Иванович, вы стали седым», — ответили ребята на его вопросительный взгляд, а ему в ту пору не было и тридцати...»⁷.

Аксакал мог иметь ввиду и другого стража. Члены краеведческой экспедиции 1996 г., сделавшие топографическую съёмку пещеры, отметили наличие при входе множества гадюк.

В 2008 г. оператор «Пятого канала» Александр Кирьянов снял о пещере фильм. На XII фестивале «Спасти и сохранить» в Ханты-Мансийске режиссёр рассказывал: «Это была очень сложная съёмка. Нужен свет, без него никак не снимешь. У нас снаружи работал генератор, который четыре киловатта выдавал 220 вольт напряжения. Чтобы для работы было достаточно освещения внутри, приходилось по воде на лодках тащить на себе все кабели — 200 метров. Мы хотели найти подводные ходы. Местные жители рассказывали, что ещё в советское время два водолаза нырнули туда, и больше их никто не видел. Наши аквалангисты на восемь метров опустились под воду, а потом испугались. Фонарь дальше не пробивал. Вода уходила под скалу. А там был провал. И мы, кто стоял на берегу, уже не видели, чтобы на поверхность

Два озера

⁷ Айгуль Биданова. «Хранит свои тайны Конур-Аулие», № 350 (26741), 03.11.2011. См.: <http://www.kazpravda.kz/c/1178220127>.

Путь к святой воде.

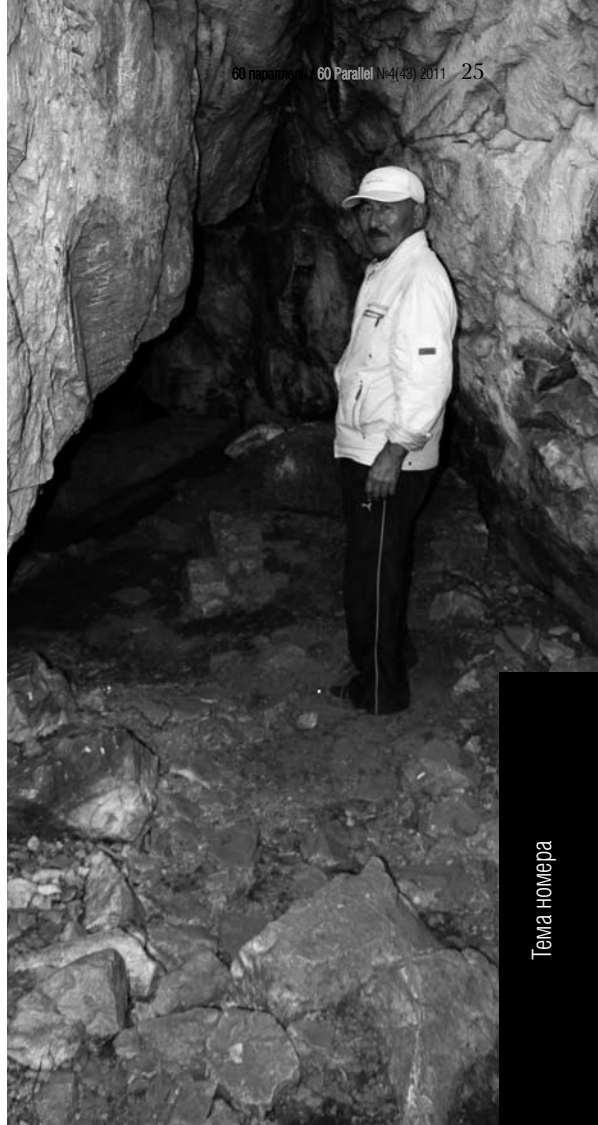
поднимались пузыри воздуха. Значит, они ушли в другое место, то есть где-то есть другой грот и воздушная подушка — ещё один подземный зал. Мы сделали вывод, что там есть место для исследования»⁸.

По словам паломников, купание в подземном озере целебительно. Одна из причин такого влияния, возможно, связана с тем, что воды озера слабо радиоактивны. Озеро, как и река Чаган, подпитывается подземными стоками, которые идут с расположенной неподалеку испытательной площадки «Балапан» и содержат радиоактивный тритий⁹. «Ничто не лишено ядовитости. И только доза решает, что есть яд», — утверждал Парацельс. Вероятно, механизм возникновения лечебного эффекта можно сравнить с радонотерапией. Все фотографировавшие в пещере, и я вместе с ними, отмечают отвратительную работу самой современной фототехники. Затвор срабатывает через два раза на третий. Складывается впечатление, что полностью сели только что заряженные батареи, хотя, возможно, это связано с трудностями, которые автоматика камеры испытывает при начальной фокусировке в темноте. На многих снимках разных авторов становятся видны странного вида белёсые облакоподобные образования. Их, наверное, можно объяснить десятком естественнонаучных причин, но паломники трактуют их как проявления «духов озера», как «энергетические сущности»¹⁰.

⁸ Наталья Фомина «“Дороже, чем я сам”. Карагандинец показал зарубежным мэтрам киноискусства свои фильмы» // Новый вестник. Еженедельная газета. Караганда — 25 июня, 2008. — № 25 (422).

⁹ «Согласно материалам экологического обследования в районе площадки “Балапан”, “концентрация трития в подземных водах изменяется в широком диапазоне значений от минимальной активности (7 Бк/л) до максимальных значений, достигающих 5 миллионов Бк/л”. На территории, размером всего 36 квадратных километров, было проведено 23 ядерных взрыва мощностью от 15 до 165 килотонн. Здесь проходит стык нескольких региональных геологических разломов, где скорость движения подземных вод более интенсивна по сравнению с окружающими породами. В итоге подземные воды могут заражаться радионуклидами». См: Виктор Петров «Зараженные реки, радиоактивные берега». Капитал. Деловой еженедельник (23.10.2011) (<http://www.kapital.kz/archive/1598-2011-05-11-16-36-24.html>).

¹⁰ От некоторых я слышал рассказ о святом, который жил в пещере — на высоком потолке её и теперь витает, будто бы, его душа...», — писал в начале века о баянаульской пещере с тем же названием политический ссыльный Николай Коншин, ставший в силу обстоятельств, как и многие его друзья по несчастью, этнографом и краеведом. Н.Я. Коншин. От Павлодара до Каркаралинска. Труды по казахской этнографии (Астана, 2007), с. 31. Этой ссылке я обязан Х-М. Иллифу.

У входа в пещеру.

Два озера

Остатки проволочных заграждений
на пути к Атом-коль.

Стены пещеры покрыты множеством граффити, оставленных паломниками. Среди них есть и рука выдающегося казахского просветителя Абая Кунанбаева. Даты свидетельствуют о том, что паломники приходили сюда и тогда, когда этот район оказался, по существу, в границах полигона.

Пещеру использовали, кажется, всегда. Неподалеку множество древних петроглифов, андроновские могильники времён бронзового века, сакский курган, по-видимому, конца I тыс. до н. э., древнетюркские курганы, которые казахи называли «могилами калмаков» или «домами мугов» (огнепоклонников), каменные надгробные изваяния. Из камней разграбленных тюркских могил сложено простое надгробие батыру Сарсенбеку Козыбагар-улы (1706–1755). По-видимому, когда-то и эта, и баянаульская, о которой я писал в прошлом году, были объектами буддистского культа и паломничества. По-видимому, буддистское происхождение имел и «Калмак», изваяние, заваленное ныне обломками¹¹.

Святые места переходили от одного народа к другому. Религии, сменяя друг друга, частью сохраняли и прежние названия, и ритуалы: казахские суфии верят в перерождение, как

¹¹ Здесь особо почитались пещеры, вход в которые напоминал женское лоно. Так в тибетском буддизме прославились пещеры на горе Утайшань в провинции Шаньси Китая. Почитаемые пещеры этого типа зафиксированы и в Забайкалье (см.: Абаева Л.Л. Культ гор и буддизм в Бурятии — М., 1992). В двух километрах от Каркаралинска, в котором мы были в 2010 г., расположены «Каменные палаты» — глубокий естественный грот длиной около десяти метров. Сегодня под его сводом в беспорядке лежат большие валуны. Старожилы вспоминают, что здесь некогда стоял буддистский памятник, который был, якобы, вывезен в Омск. «...Отдалённое указание на находки предметов буддийского культа (бронзовые статуэтки) имеется из района Чингиставского в пещере Конур-Аулие по р. Чаган в горах Актас на урочище Доғалак». И.А. Чеканинский «Развалины "Кзыл-Кенш" в Каркаралинском округе Казахской АССР (Исследования и библиография)», Записки Семипалатинского Отдела Общества изучения Казахстана. I / XVIII (Семипалатинск, 1929 г.), с. 92. Я благодарен Х.-М. Илифу и В.Л. Успенскому за информацию об этих работах. Оказалось, что имя Кобыра, который по одной из легенд во время потопа спасся независимо от Нуха (Ноя), издревле связано и с баянаульской пещерой, которую мы посетили в 2010 г., и с пещерой на склоне горы Актас. Об этом, в частности, свидетельствует текст призывания казахского шамана (баксы), записанный в первой четверти XX в.: «...С великих Чингизовых гор святой, // С вершины Красных гор // Дева святая, // С вершины Баянаула // Кобыр святой...». Е.Д. Турсунов, Древнетюркский фольклор: истоки и становление (Алматы, 2001), с. 13. Цит. по: И.В. Стаевич «Почитание природных объектов в религиозной практике казахов». Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2010 г. (СПб, 2011), с. 56).

в Тибете, с лампой обходят мавзолеи своих шейхов, медитация сопровождается дыхательной практикой, визуализацией духовных наставников.

Петроглифы, граффити, могильники и изваяния... Великая степь бережно сохраняет записи о своём прошлом.

Ещё днём накануне я озаботился закупкой провизии в дорогу. Спутники удивлялись: «В степь едем, голодными не останемся». И действительно, на обратном пути мы заскочили в дом сестры нашего шофёра, где нас ждал щедро накрытый стол. Но я не пожалел, что захватил кое-что в дорогу. Валерий Колбин, бывалый путешественник, взял с собой закопчённый чайник с треногой для костра. Мы разместились на траве неподалеку от небольшой старицы, и заварили крепчайший степной чай,

Взрыв, создавший Атом-коль.

пахнущий огнём. Бесконечное небо, бесконечная степь...

15 января 1965 г., в двух часах езды от пещеры ниже по течению реки Чаган, на так называемой «площадке Балапан» был произведён первый советский ядерный взрыв в интересах народного хозяйства. 94% энергии взрыва, равного девяти Хиросимам, обеспечивалось реакциями термоядерного синтеза, не дающими радиоактивных продуктов. Воронка должна была стать прекрасным водохранилищем с небольшой площадью испарения и стекловидным дном, обеспечивавшим сохранность воды. Советские газеты писали: «В результате было создано прекрасное озеро Чаган с чистой прозрачной водой.

Местность преобразилась. ...Произошло событие, которое так долго ждали. Стояла обычная для этих мест жара. Люди изнывали. Правда, на берегу было чуть прохладнее, но как манила эта безмятежная водная гладь! Поистине, близок локоть, да не укусишь... Пока, наконец, медики не дали “добро”, и все обитатели посёлка побежали на пляж. Купались долго, от души...»

Документальный фильм о взрыве сегодня легко найти¹². За кадром осталось то, что, несмотря на уникальный характер взрыва, радиоактивному заражению подверглась значительная территория, включавшая 11 населённых пунктов, в которых проживало около двух тысяч человек. Чтобы паводковые воды не унесли в Иртыш радиоактивную пыль, рассеянную на большой территории, было принято решение перекрыть дамбой русло реки Чаган. В результате возникли внешний резервуар (площадь зеркала — 3,5 км², объём — 10 млн м³), который представляет собой часть прежнего русла реки, и внутренний резервуар (площадь зеркала — 0,14 км², объём — 7 млн м³) — собственно воронка, соединённая с внешним резервуаром небольшим каналом.

«Дощатый жилой городок расположен километрах в пяти от эпицентра. В будках — железная печка-буржуйка, но сорокаградусные морозы брали своё. Место взрыва — чудовищно, это страх Божий. Шёл туда — кровь носом хлынула, а глотку как наждаком скребло. «Лепесток» с лица сдёрнул, одежда в крови, задыхаюсь, а идти надо. Работали честно, себя не щадили. Один бульдозерист, спасая машину, нырял с тросом в атомную воду. Бульдозер спас, а сам через короткое время умер. Я же вышел из пепелища с хроническими наградами — носовым кровотечением, болезнью поджелудочной железы, бронхитом, холециститом, гепатитом... Из трёхсот ликвидаторов в живых осталось меньше тридцати человек», — вспоминает В.В. Жиров, один из участников работ по созданию плотины¹³.

Даже в настоящее время уровень гамма-излучения на краях воронки превышает естественный радиоактивный фон в семь-десять раз¹⁴. На озере, получившем у местных жителей название Атом-коль, была создана опытная биологическая станция с целью исследования воздействия остаточной радиации на живые организмы. В воду было вы-

¹² <http://www.youtube.com/watch?v=ZAoSUIASET0>.

¹³ «Японский апокалипсис» Два патрона (Москва) 3/XX (21.04.2011).

¹⁴ <http://www.radiation.ru/research/Semsk.htm>.

Сплюснутый жилой вагончик.

Два озера

Могильная надпись у Атом-коль.

пущено 36 видов рыб, в том числе и амазонские пираньи¹⁵. Сегодня озеро и близлежащие территории официально внесены в список местностей, особо сильно пострадавших от ядерных испытаний¹⁶.

Атомное озеро мы нашли не сразу. Съезд с шоссе привёл в никуда — дорога просто оборвалась в степи, разбежавшись в конце десятком тропинок. Верховой пастух, к которому мы обратились за помощью, отказался помочь: «Ездит вот непонятно кто и зачем, места здесь особые и секретные, сами ищите». Мы двинулись в сторону узкой полоски воды, которую я разглядел в бинокль, и вскоре наткнулись на уходящую за горизонт цепь бетонных столбов, частью сохранивших обрывки колючей проволоки. Стояли и полностью проржавевшие таблички, по-видимому, предупреждавшие о приближении к запретной зоне. С небольшого холма открылся вид на озеро с островками, берегами, заросшими камышом, и множеством уток, которые услышав наше приближение, перелетели подальше от берега, расчертив гладь воды ребристыми треугольниками. Это и был Атом-коль. Я шёл вдоль кромки берега, удивляясь обилию жизни: прозрачная вода, рыба, плещущаяся в затонах. Камера выдавала картинки одну идиличнее другой. Наткнулся на металлическую конструкцию, напоминавшую столб линии электропередач, и неожиданно понял, что это могила. Надпись на простом бетонном основании:

Пономаренко В.С.

1937 — 1972

Чуть позже последнюю дату и несколько имен я разглядел на бетонных ступенях, которые вели на кромку плотины. Что-то происходило здесь не только в 1966, но и шестью годами позднее.

Сплюснутый жилой вагончик, столб без проводов, выбеленные солнцем кости... По пути всё чаще встречались конусы и небольшие островки застывшего шлака. Я поднялся на довольно высокий холм и ахнул: передо мной лежало громадное и абсолютно мёртвое синее зеркало в раме круглой сорокаметровой насыпи. Обернулся назад: там по-прежнему кипела жизнь, ещё более яркая на контрасте.

Чувствовалось, что воронка необычайно глубока, что она — неживая,

¹⁵ В последнем научном отчёте опытной станции (1973 г.) отмечаются главные тенденции изменения видов, подвергшихся воздействию радиации: увеличение размеров, резкий рост внутривидового разнообразия, тенденция к хищничеству.

¹⁶ Подробнее см. статью «Проект Чаган» в русской Википедии и по адресу: <http://kursakov.narod.ru/ozero.htm>.

чужая здесь, как марсианский кратер. Впечатление усиливали странно оранжевые пропадины на кромке насыпи. Воронка была страшна и невероятно красива, притягивала к себе. За противоположным берегом простиралась степь, две лошади смотрели на воду вниз. Я уходил и вновь возвращался, опять брался за фотоаппарат. Озеро не отпусало.

Всё, сигналит машина, нужно возвращаться, впереди несколько часов дороги. Оборачиваюсь напоследок и сбегая с насыпи.

Опять перед глазами разбитая лента шоссе. Шофёр рассказывает, что в 1990-х годах озером заинтересовались московские аквалангисты. Они пробыли на Чагане около недели и уехали после неожиданной гибели одного из участников экспедиции. Шофёр включает приёмник. Местная радиостанция передает 'Imagine' Джона Леннона:

Imagine no possessions
I wonder if you can
No need for greed or hunger
A brotherhood of man
Imagine all the people
Sharing all the world...
You may say I'm a dreamer
But I'm not the only one
I hope someday you'll join us
And the world will live as one¹⁷.

Я впервые в жизни вслушиваюсь в текст и поражаюсь, до какой степени он транслирует леворадикальную волну, ключевую для эпохи: нет ни Бога, ни границ, ни собственности... Вера в торжество *земной* справедливости и *человеческого* разума. Молодые советские физики читали Стругацких, слушали Окуджаву, создавали рукотворные озёра...

Закрываю окно машины, чтобы не глотать пыль, и вспоминаю одну из рукописей, хранящихся ныне в Петербурге. Я писал о ней всю неделю накануне отъезда в Казахстан, продолжал работать и в самолёте. Рукопись принадлежит Усаме ибн Мункизу (1095-1188) — образованнейшему арабскому писателю, великому рыцарю и охотнику¹⁸.

¹⁷ Представь себе, что всё — общее, // Вряд ли у тебя это получится, // Не нужно грабить или голодать, // Все люди — братья, // Представь себе, что мир // Принадлежит всем людям. Да, возможно я и мечтатель, // Но я такой не один, // Надеюсь когда-нибудь и ты станешь одним из нас, // И тогда весь мир объединится.

¹⁸ О нём лучше всего расскажут его фантастически интересные мемуары: Усама ибн Мункиз. Книга назидания / Вступ. ст. И.Ю. Крачковского и Е. А. Беляева, 2 изд. — М., 1958.

Усама прожил громадную жизнь — 93 года. По преданию, его последний сын появился на свет, когда отцу было уже за восемьдесят. Усама родился в семье эмиров Шейзара, небольшого сирийского княжества, но после смерти отца из-за семейного конфликта был вынужден навсегда оставить родной дом. Странствующий эмир-литератор сражался с крестоносцами, дружил и пировал с ними. В августе 1157 г. сильнейшее землетрясение разрушило северную Сирию, под развалинами родового замка погибла вся родня Усамы, съехавшаяся на семейный праздник. Узнав о случившемся, он приехал туда, где родился и куда не мог вернуться прежде. Потрясённый, стоя над развалинами замка, Усама решил собрать в одну книгу те зачины арабских стихотворений, где описаны покинутые жилища. В доисламской поэзии это были ковчевые стоянки. Блестящая городская цивилизация мусульманского средневековья оставляла в поэтических строках картины других жилищ и другого быта. Рукопись этого сочинения, переписанная ещё при жизни автора, хранится сегодня в Санкт-Петербурге¹⁹. В ней, сам того не ведая, Усама сохранил представление арабов о своей родине, взятое в развитии:

«...Вызвало меня собрать эту книгу разрушение, которое постигло мою страну и родину. Ведь время протянуло над ней свой подол и устремилось стереть её всей своей мощью и силой... Изгладились все посёлки и погибли обитатели; жильё стало следом, а радости превратились в печали и горести. Я остановился там после сокрушивших её землетрясений... и не узнал я ни своего дома, ни дома моего родителя и братьев, ни домов моих дядей, ни сыновей дяди, ни моего рода.

В смятении стал я звать к Аллаху о великом его испытании, о том, что он отнял милости, которые раньше даровал. Потом я удалился... дрожа на ходу и качаясь, как склонённый под тяжестью. Так велика была утрата, что иссякли торопливо текущие слезы, а вздохи следовали один за другим и выпрямляли кривизну рёбер. И не остановились превратности времени на разрушении домов и гибели жителей, но гибель их всех случилась во мгновение ока и ещё быстрее, а затем пошли бедствия одни за другими с этого времени и дальше. И стал я искать успокоения, составляя эту книгу, и сделал её

¹⁹ Усама ибн Мункиз. Китаб ал-маназил ва-д-дийар (Книга стоянок и жилищ) / Издание текста, предисловие и указатели А.Б. Халидова. — М., 1961.

Два озера

оплакиванием жилья и любимых. Это не принесёт пользы и не поможет, но это верх моих усилий...»²⁰.

Из Семипалатинска в Алма-Ату я возвращался поездом. За окном тянулась бесконечная предосенняя степь. Было жарко, сосед опустил вниз стекло, и в тесное пространство потного купе хлынул свежий и немедленно узнаваемый запах полыни. На закатном солнце саблей блеснул изгиб реки. Верховой саблеху блеснул изгиб реки. Верховой саблеху неспешно гнал туда свой табун.

Быстро стемнело, в поезде погасили весь свет. Позвякивала ложечка, оставленная в стакане. Сквозь оконное стекло я смотрел на степь, залитую ярким лунным светом. Проскочили разбитый полустанок, брошенный в 1990-е. Пу-

стые основы домов отбрасывали холодные узкие тени:

В песчаной долине
следы пепелищ уцелели
И кажутся издали татуировкой на теле²¹.

Я долго не мог уснуть, и с помощью экспедиционного фонаря продолжал читать книгу, взятую в дорогу: «Человеческие гены особой трансформации не претерпели. А мы для них — разовые носители. Они просто используют нас, поколение за поколением, как очередных лошадей. Для генов не существует ни зла, ни добра, они вообще об этом не думают. Будем мы счастливы или несчастливы — им наплевать. Мы для них всего лишь средство. Их заботит лишь то, насколько мы эффективны»²².

Я погасил фонарь, купе залил лунный свет. Громадный холодный диск парил над степью, он серебрил поверхность мёртвого озера, создавая себе двойника. Луна — многозначный символ, она одновременно предстаёт связанной с жизнью и смертью, она умирает и воскресает. Луну считали землей мёртвых, миром душ, ожидающих перерождения. Иногда лунные пятна трактовали как образ пряжи: жизнь как бы определялась Луной в соответствии с бесконечной символикой прядения. Я засыпал, и перед глазами к двум лунным озерам двигались бесконечные тени уставшего табуна.

Специалисты считают, что многие из тех, кто сможет прожить ещё лет двадцать-тридцать, будут в состоянии гарантировать себе бессмертие: новые технологии, управление геномом позволяют бесконечно продлевать жизнь. Но и сейчас, в эпоху торжества Цифры, очень значительная часть нашей жизни уже сохранена навечно. Где-то тщательно заархивированы истории наших романов в СМСках, ход научной полемики в письмах электронной почты, наши личные новости в блогах и социальных сетях. Поисковые системы коллекционируют наши «клики», а платёжные — собираются торговать историей наших покупок. В наш век экспериментов с радиацией, выращиванием людей в пробирках, разрушения семьи и дружеских связей человечество всё более походит на гипертекст, который хранится в памяти машин: можно «кликнуть» на *человечество*, потом —

²¹ Тарафа (пер. А. Ревича).

²⁰ Крачковский И.Ю. Над арабскими рукописями. Листки воспоминаний о книгах и людях. — М.-Л., 1946. — С. 72.

²² Мураками Х. 1Q84. Тысяча невестысот семьдесят четыре. Книга 1. Апрель-июнь. — М., 2011. — С. 368.

Атом-коль.

на *народ*, потом — на *себя самого*, homoretis (человека сетевого).

На самом деле навсегда остаются и добрые дела: в голодные 1920-е выдающийся российский этнограф профессор В.Г. Богораз часто одалживал студентам деньги, «доставая их из своего ровдужного вышитого мешочка, который носил на шее под рубашкой, не прося их возврата. «Вырастете — отдадите не мне, так кому-нибудь другому», — говорил он при этом»²³. Так что, если сегодня кто-то поступает с вами также, он, может быть, просто отдаёт долг тому, кто задолжал когда-то Владимиру Германовичу, пусть даже сам не знает об этом.

Уходя, мы остаёмся, как остались навсегда в степи символы, знаки, тексты, «татуировки» предыдущих эпох — от праистории до конца XX в. Навсегда с нами останется и журнал «60 параллель» Юлии Неруш, ставший за эти годы частью жизни для многих из нас.

P.S.

Я дал почитать этот текст лучшему другу и любимой девушке. Оба, не сговариваясь, обратили внимание на рассказ о Владимире Германовиче Богоразе. Первый сказал, что я обязательно должен посмотреть фильм «Заплати другому»²⁴, а вторая вечером прислала ссылку на интервью Тонино Гуэрры «Эху Москвы»: «...Когда я писал для Де

Сики сценарий «Брак по-итальянски», я приехал в Неаполь и Де Сика мне тоже сказал: «Я знаю, вы, северные итальянцы, не любите наш юг», — это неправда, конечно, мы немножко опасаемся, но это неправда. Тогда он меня пригласил в кафе, кафе обычно с открытыми дверями, лето, жарко, и мы входим в одно из кафе рядом с вокзалом, входят два человека и говорят: «Пять кофе, два мы выпьем сейчас, а три подвешены в воздухе». Идут платить, платят за пять кофе и выпивают свои два кофе, я спрашиваю Де Сика, что это за подвешенный кофе? Он говорит: «Подожди». Потом входят люди, девушки, пьют свой кофе и платят нормально, входят три адвоката, заказывают семь кофе: «Три мы выпьем, а четыре подвешенных», платят за семь, пьют и уходят, и молодой человек заказывает два кофе, один кофе пьет, платит за два и уходит, так мы с Де Сикой досидели, разговаривая, до полдня, двери были открыты, я смотрел на эту залитую солнцем площадь, и вдруг вижу какую-то тень, приближающуюся к двери, когда уже у самой двери бара вижу, что это бедный человек, он заглядывает в кафе и спрашивает: «Есть подвешенный кофе?»»²⁵.

В доме, где я живу, на днях открылось после ремонта кафе. Завтра постараюсь договориться с ними.

²³ Ганен-Торн Н. И. Лев Яковлевич Штернберг. — М., 1975. — С. 181-182.

²⁴ <http://my-hit.ru/film/3384/online>.

²⁵ <http://www.echo.msk.ru/programs/kazino/38506/#element-text>.

Воспоминания посвящения — так же, как некогда обряды, обустроивают работу души. Помогают принять, встроить в свою жизнь то, с чем мы расстаёмся навсегда. Принимая — мы уже не теряем.

Публикуем воспоминания Геннадия Герценовича Копылова о своём отце, русском интеллигенте в высшем смысле этого слова. Копылов-младший пишет о том, сколь сильно отцовское влияние предопределило его собственную жизнь и траекторию развития его интересов и областей приложения своих сил.

Геннадий Копылов был известен многим как организатор журнала «Кентавр», ключевого издания для методологического движения в начале XXI века. В обществе, где каждый сам за себя и более всего занят развитием своих собственных проектов, Геннадий Копылов умел объединять яркие индивидуальности, сводил их в одной «виртуальной комнате» журнала. Так, что из пучка индивидуальных траекторий и программ возникало единое интеллектуальное

Геннадий Копылов,

учёный, методолог и научный журналист,
участник Московского
методологического кружка и
методологического движения с 1981 года.
С 1990 года редактор,
а с 1992 и до конца жизни —
главный редактор альманаха «Кентавр».
С 1998 года до конца жизни —
главный редактор сайта
«Методология в России».
Автор ряда статей по методологии
и философии науки.

Послесловие сына*

движение. А это задача сложнее тех, которые ставит перед нами «саморазвитие». Внимательной работой редактора он буквально формировал сообщество. Как оказалось, единство созданного стало зависимым от жизнестойкости самого Копылова. Геннадий Копылов ушёл от нас в 2006 году. Этот текст публикуется в память о нём и в продолжение той работы, которой он посвятил свою жизнь — работы по продолжению начатого до нас.

* Послесловие к книге Герцена Исаевича Копылова «Евгений Стромьинкин. Четырёхмерная поэма». Источник: www.circleplus.ru/content/communicarium/people/memoirs/5.

О том, что мой папа — физик, и что он пишет стихи, я узнал лет в пять. Он тогда написал для меня цикл про Боря-капитана, который я с удовольствием запомнил наизусть, скорее всего — во время долгих лесных велосипедных прогулок, сидя на переднем сиденье нашего чёрного «Харькова».

Выросши до отроческого возраста, я прочёл его «Евгения Стромынкина» — сразу после «Евгения Онегина». Потом, по глупым упоминаниям (вроде: «Как, как называется эта песня Галича? «Концерт для голоса с балалайкой»? Ну и ну — прямо как моя поэма!»), я понял, что у него есть ещё одна, то ли скрываемая, то ли неподходящая для детского чтения. Набравшись храбрости, я попросил у него «Четырёхмерную поэму», прочёл и был сходу покорён и зачарован. Она восхищала остротой и остроумием. Тенью любимого Салтыкова-Щедрина, витающего над каждой страницей. Фантастическим поворотом сюжета, греющим юношескую душу. Резким витийством. Бесподобными каламбурами. Сциентизмом, с которым я тогда носился. Ненавистью к властному невежеству и безмыслию. Это был концентрат из «Понедельник начинается в субботу», «Архимелаг ГУЛАГ» и «История одного города». А дубненские реалии? А ощущение причастности к запретному? Шестнадцатилетний мальчик вдруг оказался в том эпицентре, где творилась история и литература (я был убеждён, что самое-самое происходит в андеграунде, а не на виду). Жаль, что своим восхищением невозможно было ни с кем поделиться...

Вскоре после этого, 26 марта 1975 года, папа отмечал своё пятидесятилетие. Он читал гостям отрывки из «Стромынкина» и «Поэмы», Юлий Ким декламировал стихи про Боря-капитана с такой интонацией, что они казались густейшей антисоветчиной. А я подарил папе иллюстрации к машинописному изданию «Четырёхмерной». Мне нравилось всё, что он делал, и я по мере возможностей старался включиться. В детстве я с удовольствием раскладывал экземпляры рукописей, потом — вписывал формулы, потом — ставил точки на графики. В десятом классе прочёл с карандашом в руках его популярную книгу «Всего лишь кинематика» (потом это очень помогло мне). Как только научился ФОРТРАНу, сразу же начал получать от него вычислительные задачи (мы ходили учиться в ВЦ дубненского Объединённого института ядерных исследований, тогда это было редкостью). Было очень приятно читать

в конце его препринтов благодарности «to G.Kopylov, Jr.» за проделанные расчёты. Его похвала окрыляла.

Однажды папа долго разбирал со мной одну школьную алгебраическую задачу, а я всё старался закончить это дело поскорее. Он расстроился от такой моей несерьёзности и написал статью про все те интереснейшие вариации, которые он с азартом наоткрывал в простенькой задачке. Статья — потом её опубликовал «Квант» — была в виде диалога, и нерадивый школьник имел мой инициал, а толковый — инициал моего друга. На этот раз было обидно. Но он, как я теперь понимаю, зря волновался: я жадно впитывал его отношение к жизни, к работе, к людям. (Другое дело, что признать это тогда, в шестнадцать, было выше моих сил.) Он был для меня сверхавторитетом. От одного его слова мне могла разонравиться одноклассница или книга; его рекомендации по чтению были для меня первостепенными; его мнение по поводу внешней и внутренней политики СССР элементарно перебивало пропаганду; его житейская нравственность была для меня безальтернативной. Как вообще можно жить иначе, чем он? Не знаю, понимал ли он это, но влиял он на меня всегда точно, ни в коем случае не пережимая. Потому-то, наверное, все эти случаи врезались в память как микроперевороты, ступени. Он передал мне отвращение к насилию, страсть к умствованию, к интеллектуальным задачам, к книгам, любовь к детям. Принцип неучастия во власти — его влияние; теперь, когда я это понял, карьеру делать уже поздно. По его одному-единственному совету я, быстро почувствовавший вкус к программированию, не стал им заниматься профессионально: «Это же только инструмент», — сказал он. — «Нельзя же всю жизнь изучать свойства логарифмической линейки». Этого мне хватило.

«Мне лирика не по плечу», — он знал это про себя точно. Любовные сюжетные линии и в «Стромынке», и в Поэме точно отражают то целое-дренное отношение к женщине, которое сформировалось у него со студенческих лет. Он не чувствовал оснований изменять почти пуританским нормам жизни послевоенной интеллигенции. Тут я тоже его — счастливый или несчастливый? — наследник, такой же наивно убеждённый семьянин.

Он подарил мне вкус к походной, непритворной, беспричинно счастливой жизни, к дальним велосипедным и байдарочным вылазкам, к уютным беседам. Я научился печатать на

машинке, чтобы плодить его стихи... Он любил переводить (Я.А. Смородинский взял его в команду переводчиков блестящих «Фейнмановских лекций по физике») и ценил это умение в других — перевод был моим первым приработком и стал одной из профессий. Если я что-то понимаю в переводческом ремесле (и в английском языке), то произошло это из семян, им заброшенных.

Гипертрофированная честность, отсутствие житейской хитрости — тоже его черта. В году 1966-м он взялся разоблачать то ли сознательного жулика, то ли просто чего-то недопонимавшего дубненского физика Б., который с помощью своего метода открывал одну новую частицу в неделю. Папа на ЭВМ сгенерировал случайную серию распадков, где никаких новых частиц не могло быть в принципе и на ней тоже

лать, подошёл папа, посмотрел, спросил, что это. Я объяснил, он увлёкся, я тоже, мы начали переводить уже по-настоящему и сделали дело хорошо. Опомился я только, когда увидел чистовой листок с переводом его почерком — это же было олимпиадное задание! Сдавать его теперь было нельзя... Папа страдал не меньше меня — по собственной дурости и увлекательности мы с ним запороли моё участие в соревновании. Ничего не оставалось, как назавтра публично в классе объявить Беллу, что я схожу с дистанции. Он, конечно, расстроился. Но папа позвонил ему, всё объяснил и извинился. Уже понятно, как он любил возиться со мной и с сестрой. «Возиться» — именно это слово он употребил в своём дневнике, который я прочёл много позже. В тот день ему удалось, немного сосредоточившись, додумать что-то интересное, и он сокрушался, сколько времени проходит даром в разных побочных делах или когда он «возится» с детьми. Но, по-моему, он просто не мог иначе. Учителство, иллюминатство было у него в крови — недаром в детстве он мечтал быть только учителем, недаром разбор задачки со мной он превратил в статью для всех желающих. Он с увлечением работал в вечерней физматшколе при ОИЯИ, писал — «неожиданно для себя» — популярную книгу по ядерной физике, начал рукопись «Квантовой механики для школьников». Если он что-то понял, то он должен был объяснить это другим, а лучше всего детям: они легче могут зажечься, могут проникнуться этой неземной красотой самого процесса понимания, когда перед тобой внезапно распахиваются новые миры...

Мой папа умер, когда мне было восемнадцать, и уже почти четверть века я живу без него. Живу с тем, что он мне оставил, с тем, что я взялся поддерживать и хранить. Понятно, что это не основное содержание моей теперешней жизни, и эта лента давно превратилась в ниточку — но ниточка, кажется, не порвалась...

Недавно я нашёл на задней полке «451 по Фаренгейту» Брэдбери и взялся перечесть, вспомнив, что в конце школы читал её жадно и часто. Конечно, я всё позабыл: имя героя, имя девушки, сюжетные ходы. Но поразило меня неприятно, вслучило неизвестные для меня самого пласты души — то, насколько эта книга меня запрограммировала, определила мои действия на много лет вперёд. Я, простак, и не подозревал, до какой степени тогда, в отрочестве, отождествил себя с её героем. Да что с героем — с её героиней!

Напомню сюжет: техно- и медиакратическая страна. Человека в ней стре-

Послесловие сына

сделал много открытий по методу Б. На семинаре Б. был посрамлён, но статья об этом сравнении света не увидела — её зарубили прагматично мыслящие начальники. Зато мне, восьмилетнему, он рассказывал всё — и про ЭВМ, и про распады частиц, и про имитацию по методу Монте-Карло, и про то, что такое честность и научная добросовестность. А про завернутые статьи не рассказывал — он не стремился разоблачать и «открывать глаза». Рядом с ним они раскрывались сами.

А вот ещё. Классе в одиннадцатом наш гениальный учитель английского, Давид Белл, устроил нам «марафон». Были разные задания, день за днём, составлялись баллы, висела большая таблица, и у меня были шансы на что-нибудь призовое. Очередным заданием Давид Натанович поставил домашний перевод полустраничного текста. Я начал его де-

мятся оторвать от любых культурных детерминант его существования и целиком подчинить мыльному телевидению и рекламе. Злейший враг — книги, они позволяют задуматься или замечтаться неподконтрольно; их жгут пожарные. Главный герой — пожарный Монтэг. Одинажды, сжигая книги, он прячет томик, оказывающийся Библией. Он успевает прочесть только Экклезиаст — его разоблачают. Дом его уничтожают, жена бежит в панике, он сам спасается чудом от публично-интерактивной облавы. И оказывается среди бродяг, лесных жителей, каждый из которых хранит книгу, помня её наизусть. Так Монтэг становится Экклезиастом.

Оказывается, не я читал эту книгу — это она меня писала, формировала каждым своим словом. Брэдбери писал о книгах, обысках, сожжениях, а я читал: «тамиздат», «донос», «диссидент», «глушилки», «КГБ». Пустейшее TV и идеологический контроль проецировались почти автоматически на советское телевидение, отрезанность от прошлого — на жизнь за железным занавесом. И хотя, как теперь понятно, это был взгляд увеличенными от «общего страха» глазами, важно было именно не поддаться ему до конца. Как? Спасение, самостояние было в отказе от прожёванной вышестоящими товарищами жвачки, в серьёзном чтении, в том, чтобы в жёстких обстоятельствах превратить себя в Хранителя (жаль, что Толкиен дошёл до нас только через лет пятнадцать — ух, мы бы в нём всё поняли про Тьму с Востока и про испоганенный Мордор!). И когда эти обстоятельства пришли, я стал хранителем в полном согласии с впечатавшейся в меня схемой. В тот же августовский день 1976 года, когда папа не пришёл в себя после третьего инфаркта в дубненской больнице, почти в тот же час, я собрал чемодан с крамольными книгами и рукописями и отнёс его самому верному и не замешанному ни в чём такому человеку, какого я знал. Я спешил потому, что не представлял себе, есть ли ещё где-нибудь или у кого-нибудь хоть один экземпляр «Четырёхмерной поэмы». (За «Стромынки» я не беспокоился — я знал, что он известен, что у папы есть масса сокурсников, у которых есть копии. Да и вообще «Стромынки» по тем временам была вещь безобидная.) А вот «Четырёхмерная»... В восемнадцать лет я практически не знал папиных московских диссидентских знакомых. Не представлял, у кого вообще можно спрашивать про столь злославленную Поэму, идущую под

псевдонимом Оскар Биттель. И если бы наши экземпляры были изъяты, потеря была бы, кажется, непоправима. (Потом Юлий Ким мне вскользь сказал, что его копии ещё в начале семидесятых пропали в КГБ.) И приходилось хранить её изо всех сил.

Через год со всеми предосторожностями я наговорил Поэму на магнитфонную плёнку и по ней вызубрил наизусть (я знал, что так мне учиться лучше всего). Если бы тогда уже были плееры, я бы учил Поэму в метро, но я повторял её так, в пустых местах вслух, не реже раза в месяц. Гарантия теперь была почти полная. Летом 1985-го, когда в стране что-то микроскопически стало сдвигаться, я сделал машинописное выверенное полное собрание сочинений Г.И. Копылова, переворотив весь архив; теперь я мог сравнить варианты, уточнить даты, просмотреть черновики. Тогда же я обнаружил многое из «совсем уж рукописного»: начатые воспоминания «Не обобщай меня без нужды», стихотворения, отрывки... Я собрал, теперь уже познакомившись с папиными друзьями, несколько десятков писем. Тогда же начал прикидывать и узнавать, кому бы можно было передать рукописи на Запад — в виде чёрно-белой негативной фотоплёнки, конечно. Где ты был тогда, интернет XIX века?

Передать было с кем, и это было нетрудно. Важней было понять, кому. Поэма и Стромынки — это не лирика, и не обычная публицистическая антисоветчина. Это — сайентистская сатира; не каждый возьмётся её читать, и не каждый — издавать. Наконец, я вспомнил о Валерии Турчине, редакторе сборников «Физики шутят» и «Продолжают шутить» (1964 и 1967 гг.); в последний печатался папа, и у нас был экземпляр, подписанный по кругу четырьмя редакторами. Турчин о Копылове знал, это было ясно, и мои посылки отправились к нему. Опубликовать отца в России тоже очень хотелось. С года 1987-го я принялся осаждать журналы, издательства, известных литераторов: кто заинтересуется, возьмёт, порекомендует к публикации... КПД всей этой деятельности оказался крайне низким, руки у меня то и дело опускались, но около пяти-семи публикаций пробить всё-таки удалось. А сколько интересного мне пришлось при этом переузнавать!

В журналах «Наука и жизнь» и «Химия и жизнь» были рубрики типа «Литературное творчество учёных», и туда я отдал небольшие подборки стихотворений и отрывков. Они были

приняты на ура, и эти публикации довольно быстро состоялись. Один из редакторов «Х и Ж» начала работать во вновь открывшемся ежемесячнике «Совершенно секретно», где благодаря ей была напечатана публицистика отца. А вот в журнале «Юность», куда я отдал «Четырёхмерную поэму», заявили, что я опоздал — к 1988 году, по их мнению, она была уже недостаточно острой. В 1991 году «Знамя» опубликовало большой отрывок, примерно десятую часть «Четырёхмерной», но эта публикация канула в никуда — как раз тогда толстые журналы перестали читать.

Вообще, критики у этих публикаций не было никакой. За одним исключением: ведущий критик Р. в одном из своих обзоров в «НГ» 1991 года откликнулся на мюнхенское издание, процитировав пару четверостиший и заявив, что

Стромынкина», но... «Что за текст Вы мне дали?... Я в студенчестве восхищался такими строками:

И сделалась совсем иною
Младых филологинь краса —
Улыбка томной, чуть глупею,
Всё испытанными — глаза.

А здесь этого нет. Нет. Нет, я не могу ничего сделать. Извините!»

Конечно, этого четверостишия не было: я хотел опубликовать текст последнего прижизненного издания — папа его сделал году в 1974, а М., конечно, помнил первое, ходившее под псевдонимом (Георгий Исаев). Он встал на страже Своего Стромынкина. Зато позиция «Архимеда» мне вполне понятна. «Архимед» — это студенческий театр Физфака МГУ 1950-60-х годов, оттуда — песня «Дубина» и прочие вершины физического фольклора. Его активисты в основном работают в Курчатовском институте. Они проводят юбилейные концерты, издают в меру сил свои сборники и т.д. Они считают «Стромынкина» одним из образцов физического искусства и даже признают канонический (1974 г.) вариант поэмы. На этом их интерес к творчеству Г. Копылова заканчивается. Приватизировав свою часть его биографии, они не обращают внимания на всё остальное. Но «свою» часть они знают замечательно — подробнейшие комментарии А. Кессениха к публикации «Стромынкина» в журнале «Вопросы истории естествознания и техники» (1997 г.) уверенно вводят первый вариант поэмы в круг документов новейшей истории физики, МГУ, идеологической борьбы в СССР 1950-х годов.

К счастью, многие и многие друзья и коллеги отца приняли горячее участие в сохранении его литературного наследия. Я уже назвал некоторых из них, а ещё очень помогли в разные годы Т. Баева, Б. Болотовский, Б. Васильев из Дубны, Ю. Данилов, Ю. Диков, В. Левин, А. Левинтов, Вл. Любошиц, Я.А. Смородинский, Е. и В. Тарасовы, М. Подгорецкий, Е. Фейнберг, М. Харитонов. Когда писатель Марк Харитонов прочёл впервые «Четырёхмерную» — он не был знаком с ней раньше — его поразили строки:

Ведь одно из ценных качеств
Наших нравов и традиций
В том, что даже мёртвым значась,
Можно как живой трудиться.

«Как он угадал про себя?» — сказал он. В Поэме это относилось к Платонову,

Послесловие сына

трагедия Г.И. Копылова в том, что он работал в одиночку и существовал помимо литературного процесса. Да-да, он мне говорил что-то похожее за пару лет до этого, когда возвращал папины рукописи. Я передавал ему их в надежде получить рекомендацию или хотя бы совет — какое из издательств может заинтересоваться «Четырёхмерной». Энтузиазма у него эти тексты не вызвали. Он стоял на страже интересов Большой Русской Литературы, и не считал поэмы достойными к рекомендации. И вообще, на страже чьих только интересов не оказывались те, кого я просил что-то сделать для публикации! Сейчас это лишь забавно, а тогда давало массу пищи для переживаний... Издательство «Наука» готово было опубликовать Г.И. Копылова, но по очень хорошей рекомендации. Я отправился к академику М. Да, он помнил и любил «Евгения

Булгакову, и на такое сопоставление я не решался. Но папа, действительно, вставал передо мной как живой — из рукописей, которые я находил и разбирал, из писем, которые передавали мне его друзья, из тех отрывочных воспоминаний, которыми они делились.

«Я поздно начал», — писал он в дневнике. Действительно, с 1949 по 1956 год, когда отцу было 25-30 лет, он не занимался физикой, а преподавал в женской школе родного Днепропетровска — посёлка Каменки («Здравствуй, город Знаменка... вы, говорят, не коренной», — это из «Четырёхмерной»). Только в 1956-м ему помогли устроиться в Дубне, и лет пять его научные успехи были слабыми. Он нащупывал путь, заново учился, вставал на ноги. Он встал — но сталинский СССР отнял у него десять лет плодотворной жизни.

А потом — прямо-таки взлёт: 1963 г. — метод моделирования многочастичных распадов, 1964 г. — кандидатская диссертация, перевод «Фейнмановских лекций», 1966 г. — популярная книга, признанная лучшей в году, 1968 г. — докторская, 1969 г. — монография, ставшая сегодня классическим учебником, 1970 г. — «Четырёхмерная поэма». Восемь лет зримых научных и просто творческих, человеческих успехов. А ещё — близкое знакомство с московскими диссидентами и поэтами, самиздатская публицистика под псевдонимом Семён Телегин (вдохновившая Солженицына на «Образованщину» — кстати, Телегин был обозван в ней «весельчаком и атеистом»). А ещё — любовь к той, которая стала музой «Полёта в невесомость»... В сорок лет он пережил не кризис, а подъём. Когда я, оглядываясь на его жизнь, увидел воочию этот период успехов и удач, мне стало страшно: смогу ли я так в сорок? И самое главное: понимал ли он, что выходит к новым рубежам? Оказывается, понимал: поздно найденное в рукописях и написанное ещё чернильной ручкой стихотворение «К самому себе» — как раз об этом:

Больно всё просто, слишком всё ясно,
словно для взрослых — детские ясли,
словно влип ты, друг, в бесконечный круг,
впрямь левитом стал, деловитым стал:

сочинил статью, подзубрил Четью,
сотворил обзор, подзакрыл бозон,

поломил горбом, предложил прибор,
ни случайных шуток, ни скуальных скук,

всё известно, всё размечено,
дело есть, а делать нечего.[...]

Шёл я точно, не сворачивал,
темпы мощные наращивал:

может было так и надобно —
напрямик ломить по надолбам,

взять науку как Бастилию,
ухватить подход и стиль её,

ощутить её покорною,
встать, как на плиту опорную...

А теперь над твёрдой почвою
я себя другим попотчую.

Раз упёрся — разогнись-ка я!
Ты прощай, дорожка узкая!

Я пойду другими румбами,
непродуманными, трудными [...].

завернусь плащом, поведу плечом
и пойду на свет. Пусть мне смотрят вслед.

Пойдя «другими румбами», он не стал «практикующим диссидентом»: он был боязлив, наивен и бесхитростен. Но тайны у природы вырывал смело, мысли — додумывал до конца, антисоветчину — писал и распространял, значок с израильским флагом во время Шестидневной войны — носил, письма — подписывал, деньгами — помогал, а его речь на могиле Ильи Габая вспоминают все, кто её слышал. А я вспомню слова профессора Д.С. Чернавского на папиных поминках: «Гера был рыцарем правды. А правда по-русски — это и «истина», и «справедливость».

Я вспоминаю о нём, и у меня пропадает ощущение реальности: папа — рядом, близко, здесь. Кто знает, может быть, и читатели почувствуют рядом с собой тень — или хотя намёк на тень — этого весёлого, честного и талантливого человека.